

18+

Игорь МИХАЙЛОВ

ДОЛЬКЕ ВИТА

ЛИТЕРАТУРНОЕ БЮРО
НАТАЛЬИ РУБАНОВОЙ

Игорь Михайлович Михайлов

Дольке вита

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55345933

ISBN 9785449885883

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Гений места, сердце города или страны – на кончике пера. Весьма возможно, что в Италии, Франции, Америке, Армении, Грузии и Молдове не было ничего примечательного, покуда автор не побывал там. И не ощутил все это как свое, домашнее, родное!

Содержание

Вместо предисловия	5
Италия	6
Рим: dolce far niente	6
«Венеция миноре»	10
Флоренция – цветок в петличке	20
Вероне где-то бог послал...	26
Amarcord	35
Каменные скрижали Асколи	39
Гроттамаре. Картина, написанная маслом	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дольке вита
Игорь Михайлович
Михайлов

Дмитрий Горяченков *Дизайнер обложки*

Наталья Савельева *Корректор*

© Игорь Михайлович Михайлов, 2020

© Дмитрий Горяченков, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-8588-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Один мой знакомый, оформлявший коробочки для чая, придумал это название – *dolche vita*. Сладкая жизнь (*dolce vita*) воскрешает в памяти тех, кто помнит знаменитый фильм Федерико Феллини. Однако мой знакомый не знал итальянского и поленился заглянуть в словарь, но название как-то прижилось, ни у кого, кроме меня, не вызывая никакого недоумения.

А я подумал, что «Дольке вита» – это не совсем что ли «*dolce vita*» или недоделанное «*dolce vita*», но то, что нужно. Ведь путешествие – это часть, участь, изрядная доля моей жизни. Иной раз ошибка – не ошибка, а судьба. Пусть будет «Дольке вита», не пропадать же добру? К тому же совсем непонятно или не совсем понятно, как объединять все эти разрозненные очерки в одно целое? А когда непонятно, надо выдумать хорошую историю и рассказывать ее всякий раз, когда автору зададут очередной вопрос из разряда: почему «Дольке вита»? Как говорится: поэтому!

Италия

Рим: dolce far niente

В Риме всегда жара, наверное, от обилия жгучих брюнетов. Настоящий римлянин – роковой брюнет небольшого роста с выточенной фигуркой опереточного героя-любownika, жигало.

Естественно, что местонахождение настоящего римлянина не только в центре внимания, но и города, и мира. Он должен быть в самом центре, выситься над дворцом Виктора-Эммануэля, который венчает собой пьядца Венеция. Ну, или хотя бы в непосредственной близости от Колизея, на пьядца Испании, слившись с гламурной тенью рекламной модели от «Gucci» или «Armani». Магазины, в которые можно зайти, рискуя выйти оттуда с инфарктом. Материальные ценности едва поспевают за моральными выгодами.

Вход в Колизей 47 евро. Чашка чая с бриошем в кафе «Гресо» (где закусывал Гоголь в перерыве между работой над «Мертвыми душами») – целое состояние. Ну, так ведь и Гоголь в нагрузку. И Мопассан, и Гете, и Флобер. И еще множество деятелей культуры и искусства. Плюс – вид на знаменитую лестницу. И, вообще, центр Рима и мира. В стоимость кофе закладывается весь Рим, весь мир. Даже

обшарпанные под старину стены.

Ну, мы непростительно отвлеклись в сторону. Все внимание на римлянина, на жгучего мачо, на это чудо природы. Сейчас его выход. Он должен подъехать ни на каком-нибудь моторино. Ни в коем разе! На моторино ездят все. Даже китайцы, которые постепенно захватывают Рим, как некогда сами римляне потеснили этрусков. Нынче Рим – это целые китайские кварталы и негритянские гетто. Лет десять тому назад в Риме не было ни одного китайца. Скоро не будет ни одного итальянца!

Итак, моторино в сторону, под откос, на свалку! Настоящий римлянин катается на кабриолете. Он парит над этой жизнью, как вольная птица, как орел. Он дарит себя миру и Риму: нате, радуйтесь! И ведь, действительно, паршивец, красив, как Аполлон. Все римлянки страшны, как атомная бомбардировка. У римлянки – орлиный профиль. Лучше сказать – рубильник. И этот отзвук клюва римского орла отдается в сердце содроганием. Боже, как они божественно некрасивы! В противовес всем этим жигало.

Итак, римлянин появляется в кабриолете. В костюмчике в талию и с искрой. Почти наш Чичиков, но только в десять раз потоньше. И, конечно, с подругой жизни, некрасивость которой окутана фатой, словно боги брызгами в знаменитом фонтане Треви. Он появляется как бог из машины, главное достоинство которого – поразить и удивить. И, конечно, его встречают овациями, словно всемирно известного

тенора. Но он не поет, он ничего не говорит, он даже как-то сосредоточенно угрюм и разочарован жизнью. Потому что успех ему слегка приелся. Аплодисменты он принимает как должное. Да и могло ли быть иначе? Ведь весь мир и Рим придуман только за тем, чтобы в нем царствовал этот обманщик и фат, эта кукольная гламурная фигурка из древнего балагана. Этот мир придуман для того, чтобы мы могли купиться этим обманом зрения. Чтобы мы и себя почувствовали немного римлянами. Но не надолго, совсем на чуть-чуть. Вот сейчас он взмахнет своими стрекозиными крылышками, блестящими фалдами пиджачка от «Armani». И поминай как звали. Вот в этом и весь шик. Пустить пыль в глаза, ослепить, обескуражить. И исчезнуть, как и не было его.

Договариваться с римлянином о чем-то – это еще один акт спектакля, но заключительный. Он очаровательно размахивает руками, как будто дирижирует концертом, оперой Россини, Верди, Пуччини. Вот сейчас прозвучит заглавная партия, выходная ария, сейчас зал забьется в истерике оваций.

Итак, вас приглашают в его загородную виллу на обед. Вас ждут, как самых дорогих гостей. И все в это в изысканных выражениях, сводящих с ума своей куртуазностью и манерностью.

В этот момент надо любоваться его импозантностью. Этой пластикой римского имперского стиля. Стиля, повелевающего миром обмана. Да-да, именно обмана. Вы не ослышались. Потому что буквально спустя минут пять, в ходе ко-

торых он также опереточно и манерно взмахивает руками и бурно с кем-то общается по мобильному, оказывается, что обед отменен.

Все, *fenita la comedia!* Концерт закончен. Всем спасибо! Римлянин откланивается. У него масса неотложных дел. Не все еще очарованы этим блеском, этой ярмарочной мишурой, этим карнавалом, этой обернутой в фольгу пустотой. Надо лететь дальше и выше. Надо досягать нового солнца, стогать и осыпаться пеплом на головы изумленных и обманутых зрителей.

Ариведерчи, чао, чао! Чао, вертопрах, выскочка, парвеню, жигало, мачо! Ты великолепен! Впрочем, как обычно, как всегда, когда в Риме жара от обилия жгучих брюнетов!

«Венеция миноре»

Каждый плавающий и путешествующий выдумывает свой город, который порой не совпадает с общепринятым мифом, растиражированным в рекламных буклетах. Я выдумал свой. И забылся в нем...

«Венеция миноре» похожа на брошенного своим хозяином пса, лежащего у кромки воды. Вся туристическая свора от вокзала Санта-Лючия устремляется вперед по Терра Ли-ста ди Спания, хотя до понте Риальто по правой стороне куда быстрее. Но кто об этом задумывается: быстрее, медленнее. В Венеции все растворяется без остатка. В том числе и остатки разума.

Турист в массе своей любого гения места превращает в место общего пользования. Тысячеглазое чудовище в домашних тапочках и клоунских маечках. Да кто они такие? Да по какому праву? Просто канальство какое-то! А мне кажется, что я здесь был задолго до того, как помню себя. Мне кажется, что я здесь жил всегда. Только не знал, что имя этому – Венеция. «Венеция миноре».

На той (в итальянском есть презрительное обозначение *codesta*) стороне, чуть было не сказал Стикса, ну да, конечно, маслянистые воды Стикса, которые делят Венецию пополам на маджоре и миноре, маленькую и большую, светлую и темную, едва теплится жизнь. Если она там вообще существует.

А эта тропа – для завязанного обывателя, привыкшего сполна отбивать потраченные деньги дежурными, включенными во все туристические путеводители, видами. Это все равно, если бы вы, желая зайти в магазин, ввалились бы в витрину.

На левом берегу не разобрать горячее биение о стенки сердца тока крови. Или даже упругого тока воды в канале, если этот город-вамп вынул вам сердце. Здесь обязательно подтолкнут, вынут душу вместе с руками. Или хамоватые официанты ввергнут тебя в омут товарно-денежных отношений.

Нет, на этой тропе войны покоя не найти. Даже ночью. Днем взгляд рассредоточен из-за пестрой толпы, словно глаз у мухи. Туристический карнавал. Свет какой-то пресыщенный, словно лихорадочный румянец на щеках гулящей девки. Тысячи ног стирают брусчатку до безликости половика. Эхо твоего голоса гулкое и чужое. Но с приходом темноты световую рассеянность поглощают разноцветные огни ресторанов. В кафе и на улице за столиками – все та же толпа, жадно пившая твою кровь днем. А теперь они медленно из соломки цедают одиночество и тоску вперемешку с тишиной улиц.

Туристическая тропа ведет с толпой из города. А та – обратно. В потемки, кромешную тьму венецианской изнанки. В «Венеции маджоре» принадлежишь толпе. В «Венеции миноре» принадлежишь себе. И весь этот затхлый, лишенный воздуха и неба мирок, этот морок, этот призрак города,

который витает бог знает где, твой. И больше ничей! Словом, стоит столкнуть лбами Венецию земную и небесную, чтобы послышался хрустальный звон осколков муранского стекла. И «Венеция маджоре» прекратила свое существование!

Джудекка. Рыбацкие сети, словно выброшенные волнами на просушку, напоминают распятие, которым хотят образумить стихию. Но лагуна все же берет свое. Она непокорно выворачивает суставы шестам и выскальзывает из мелких чешуйчатых ячеек, словно рыба, оставляя после себя лишь пустоту и тину.

Последствия этой борьбы заметны разве на канале Джудекка, который, как и кале Лунга от туристической тропы, заполошно бежал от Канале-гранде. Вдоль набережных Джудекки изможденные баркасы, угрюмые буксиры с облупившейся краской, рыбацкие лодки, какие-то безрадостно уткнувшиеся носом в пристань ялики, уставшие плавучие краны, словно боксеры, повесившие перчатки на канаты. Этакой речной пролетариат, прихожая, которая спрятана подальше с глаз долой, словно внутренности океанского лайнера из рассказа Бунина «Господин из Сан-Франциско».

Бог его знает, от чего произведено это название «Giudecca». Утверждают, будто бы на острове Джудекка селились евреи. От чего позднее произошло гетто. Темная история, как и вода в канале. И дома здесь довольно мрачноватые. Какие-то сутулые, не то усталые. Наверное, бурая тина, которой опутаны пристани, пакгаузы, подточенные волнами,

будто кариесом, свай придает Джудекке оттенок болотистой ряски. И тянет своей свинцовой тяжестью его на дно.

Труженик вапоретто, надсадно отфыркиваясь, словно пес, выброшенный своими хозяевами освежиться, прилежно гребет лапами к берегу. Тучка выхлопов сизым облаком взвивается к небу, обволакивая его голубизну, словно в фольгу.

Арка пакгауза – немое рыдание сатира, деревянные ступени, спускающиеся к воде так буднично, словно к асфальтовой мостовой, деревянные столбы отдают холодом карцера – темное чрево города, подземелье. А рядом сиятельная церковь Иль-Реденторе (Христа Спасителя). Парадный фасад с беломраморными колоннами и скульптурами скрывает за своим портиком довольно примитивный кирпичный барабан с колокольней, как две капли воды напоминающей Сан-Анджело. Только поменьше. Миниатюрный слепок с оригинала, брошенного на другом берегу.

Отраженное в серой лужице канала небо – тусклое, словно театральная бутафория, которую побросали в угол и забыли.

Пожалуй, именно здесь и ощущается острее всего, что Венеция – это бутафория, кулисы театра комедии, который призван тешить праздную толпу, решившую весело потратить свои деньги. Вдоль канала и острова разбросаны обломки прежнего величия. Сюда ссылают за ненадобностью, списывают по старости: дома, целые архитектурные детали, кварталы, эркеры, балконы, арки, потускневшие цвета, фрагменты набережных, невзрачные лица. Да и того же Палла-

дио, который на противоположном берегу ни на кого так и не произвел впечатления. Там и своего добра хватает с избытком. А здесь хоть что-то, хоть как-то. Все эти набившие уже оскомину домики с балконами и стрельчатыми окнами, пестрый, арлекиний наряд.

«Венеция миноре» – задний двор ресторанов, куда выходят на перекур измотанные жизнью и службой кухарки и гувернеры, посматривая на пассажиров вапоретто весьма недружелюбно. Но здесь как-то легче дышится и проще. Нет парадной чопорности и натянутости. Джудекка – затрапезье Венеции. Задворки.

Джудекка, словно нож, разрезает эту сухую корку Венеции миноре пополам. Противоположный берег безымянный, словно неокликнутый никем прохожий. Нищий сгорбленный старик. Породниться с ним – все равно, что признать свое худое родство. Но мне кажется, что я этой дорогой ходил и хожу всегда. Только не знаю, что имя этому – Венеция. «Венеция миноре».

Мой маршрут прост. Через мостик надо махнуть направо и, скользя тенью вдоль обшарпанных стен лабиринта узеньких улочек, устремившихся к Понте Риальто или по своему разумению. Куда глаза глядят. Улочки все сплошь весьма забавные: *degli scalzi*. То есть разутые, босые. Ну, так и есть: здесь живут или во всяком случае некогда обитали босяки, ремесленники, швеи, посудомойки, проститутки, бандиты и прочий сброд: двор Горшечников (*Corte cazza*), улица

Гусятников (Calle delle oche), улица Красильщика (Calle del tintor), Набережная сисек (Fondamente de Tette) и прочая. А нынче, видимо, ютятся их потомки.

Хождение по туристической тропе обязывает. Усредненная пошлость путеводителя рекомендует заглянуть на Сан-Марко, взобраться на Сан-Анджело, зевая, пялиться на портреты дождей.

А потом все это забыть.

Куда как милее бесцельное блуждание почти впотымах, интуитивно открывая, словно тайну мироздания, тайну этого места, тайну моего с нею родства. Что может быть лучше, чем бороздить просторы подсознания! Потаенных комплексов и пороков? Ведь тебя никто не видит. И ты никого.

Маленький, постыдный, заветный городишко. Только мой и больше ничей! Какое блаженство плавать по его улочкам, когда твоя тень переплетается, словно виноград с прозрачными нитями, которыми опутан весь город, весь этот огород и всякий, кто попался в его сети. Это плавное тихое почти вживание в маленькое, сжатое в кулачок пространство. Погружение на дно. Когда журчание воды в узком проулке, просвете, рукаве гулким эхом отдается в тебе и почти совпадает со стуком твоего или какого-то общего с Венецией сердца. Когда небольшие, извилистые улочки легко перепутать с изгибами судьбы на ладони. И даже почувствовать сладостную горечь одиночества. Или даже, может быть, отчаяния, когда вдруг исчезнут указатели «per Rialto» или «per

Santa Lucia», и твоя жалкая тень, тревожно бьющаяся в узком колодце, как пульс, в поисках выхода утерчет всяческий курс.

Где я? Куда дальше? Разве не эти вопросы я задаю себе повседневно? А вот здесь, в «Венеции миноре» – и ответ. И ответ этот в отсутствии ответа. Выхода нет, и не ищи. Но в какой сладостной тревоге пойманной птицей бьется сердце! Связь с реальностью и со всем, что было с тобой минуту назад и будет минуту спустя, потеряна. Она затерялась, словно копейка в прорехе карманной. Нет никакой Венеции и смысла нет, возможно, его и не было. Весь большой город с дворцами и музеями, площадями и каналами ужался до маленькой коммунальной квартиры, по которой жильцы шастают в стоптанных тапочках и трусах к соседям за спичками или заваркой. Где сушится белье, греются на солнышке старики, и высоко в простенке голубеет потрепанный парус неба. И мостики с воробьиный скок и улочки не дальше выдоха. Да и названия совсем уже не парадные, миноре: Ponte de Tette, fundamento de Tette. Мост Сисек, набережная Сисек. Вроде как ты – шел в комнату, попал в другую, как в «Горе от ума». Тут какие-то неодетые барышни. Визг, пьяный хохот. Там, на витрине, на рыночной площади, негры с дамскими сумками. А здесь их никто не отличит от подъездной тьмы, синих теней, сырых углов, утлого вымысла твоего больного воображения. Здесь они все сарацины, мавры, ну, или на худой конец – Отелло. Ведь бывшая владычица морей заарканила

его где-нибудь неподалеку от своих берегов, Сенегале или еще где. Но даже у Шекспира не хватило фантазии дать ему прописку в Светлейшей. Ревнивец, задушивший свою жену, обречен. То есть, так или иначе, а в городе ему нет места. Его соотечественники ныне на левой стороне торгуют сумками, подолгу расстилая белую простынь на асфальте, словно любясь тем, как она трепещет во влажной и голубой купели венецианского простора, растворяясь в ней.

И кажется, если вынести негров за скобки, то это город влажной простыней стелется к твоим ногам, он колеблется у тебя под башмаками, как булькающие водой в чайнике волны под бортом у вапоретто. Или это все зыбкий предутренний сон, солнечный луч, струящийся сквозь ресницы, как если бы мы проявляли в ванночке негатив черно-белой фотографии.

Неправдоподобный, обманчивый, лживый, дождливый, вымороченный! И что это за белая простыня, что это за оказия: сменное белье публичного дома на *fuondamente de Tette* или белый саван?

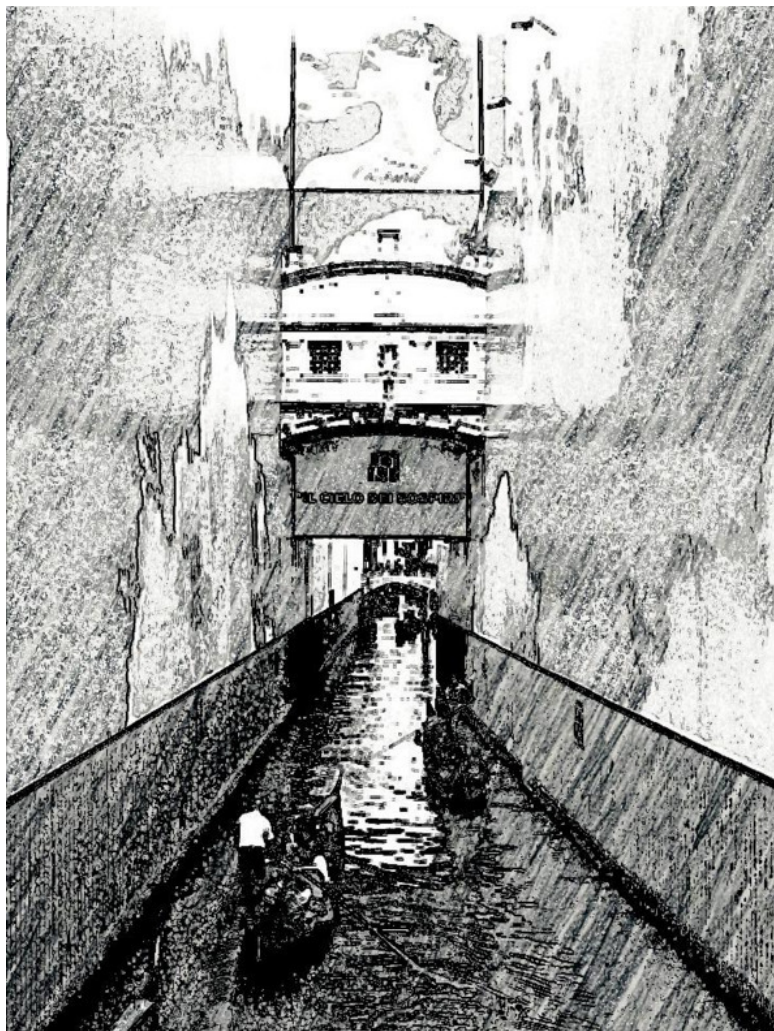
Сон, смерть, зыбь, рябь, волны, призраки... Все повторы, как круги на воде. Все это уже было, было. И будет.

В Венеции трудно не быть банальным. Но все слова не в счет. Или по-венецианским понятиям: все остальное включено в счет.

Prego, signiore! Va via, vattene, via di qua!

Пошел вон!

Пробил час. Или вернее – негры, потомки Отелло, на башне. Ты-то думал, что все остановилось и замерло, когда ты уехал отсюда. Ан нет. Ты, каждый раз уезжая отсюда, умираешь. И, только возвращаясь, видимо, все же воскресаешь вновь. В городе, выдуманном тобой, имя которому – «Венеция миноре»...

Флоренция – цветок в петличке

От Болоньи до Флоренции поезд мчится шибче воли по туннелю, как иголка, мелкими стежками выскакивая на поверхность. После получасового вышивания крестиком уже на вокзале, напоминающим большой современный муравейник, кажется, что попал не сюда.

Зачем все это кружево из металла и пластика, когда я ехал за средневековьем? Но, в принципе, вокзал необходим, словно карантин. Покуда ты по инерции все еще мчишься вперед. А тут надобно остановиться, отдышаться. Или просто обратиться со временем вспять. Поставить на этой жизни крест и уйти с головой в иное, чем евростар и сникерс, культурное пространство. Распроститься с ширпотребом, видеожвачкой и попытаться прорваться к культуре сугубо индивидуальной, штучной, сделанной вручную, сотворенной. Ведь этот город сотворен в отличие от многих других. И в этом сложность его усвоения. Во Флоренции неуютно, словно на фреске Страшного суда...

Вообще с Флоренцией вечные проблемы: то гвельфы с гибеллинами, то Савонаролла с Макиавелли. Пророки из своего отечества бегут без оглядки, куда глаза глядят, попутно призывая на головы своих сограждан огонь и меч. Данте похоронен в Равенне, и с тех самых пор Флоренция борется с нею за прах своего мятежного сына.

Дух мятежа и своенравности бродит по Флоренции. Погода трудноуловима. То накрапывает мелкий дождичек, то солнце, а то ветер заносит белый свет свинцовыми облаками, и город погружается во тьму Египетскую. Но и вся эта непогода не в состоянии укротить туриста, стадный инстинкт которого неукротим. На улочках, где вряд ли разойдутся, не прижав друг друга к стенам, две пышнотелые флорентийки, толпу ежедневно потрошит не менее грандиозная ватага торговцев кожаными изделиями, сувенирами, панамами, зонтиками и прочей мелкооптовой дрянью.

Процесс купли-продажи напоминает борьбу кланов за власть в эпоху Возрождения. Торговцы – испанцы, мексиканцы, арабы, негры – воздымают цены в заоблачную высь, туда, где расцвел купол Санта-Марии-дель-Фьоре. Специально даже ценники приклеивают к товару, чтобы убедить покупателя в том, что скидка в 5 евро весьма и весьма значительна и нужная вам вещичка достается почти задарма. Покупатели столь же стремительно пытаются эту цену опустить вниз, к мостовой, на брусчатку, по которой ходил Данте и укорял горожанок в непристойности, поскольку те демонстрировали ему свои прелести. А ныне потомки Ганнибала стелят свои стихийные простыни со всяческим неликвидом.

Словом, битва за умы и кошельки, как и прежде, с утра до вечера идет нешуточная. И тут размер улицы играет весьма значительную роль. Ведь вы не просто покупаете ненуж-

ные вам ремень, бумажник и башмаки, вы – избранник, которому улыбнулось счастье. Будучи зажатый со всех сторон обстоятельствами времени и места, между Донателло и Микеланджело, Бенвенуто Челлини и Леонардо, Давидом и домишкой, в котором жил Макиавелли, у вас нет никаких шансов к сопротивлению. Торговаться в таких нечеловеческих условиях невозможно. Это все равно, что просить скидку у Палладио за его распускающийся над городом по утрам, будто диковинный бутон, купол собора Санта-Мария-дель-Фьоре. Или у зодчих стрельчатой башни галереи Уффици. Отцы города не скупилась, а вы тут торгуетесь за какие-то пару десятков евро!

Флоренция – единственный город, который, в буквальном смысле слова, заставляет тебя окунаться с головой в культурное пространство. Из ниш на тебя с укоризной смотрят святые, художники, статуи в буквальном смысле хватают тебя за руки и возят лицом за незнание того или иного исторического факта.

Раз ты приехал сюда, то не просто обязан, ты должен, ты призван. Кроме того, Флоренция не прощает скупости. В этих узких лабиринтах, придуманных словно для того, чтобы поток жизни был еще более бурный, чем в обыденной жизни, привыкли жить на широкую ногу. Если ворота, то обязательно золотые. Понте-Веккьо прогибается под тяжестью лавок торговцев золотом. Галерея Уффици хранит в своих стенах такое количество культурной роскоши, что

все вместе взятые лавчонки Понте-Веккьо не стоят подрамника картины Рафаэля. Кстати, искусство искусством, а ведь этот музей, построенный Козимо Медичи, ведет свое наименование от офиса. Ну или, если быть совсем уже точным – от галереи канцелярий. За каждый шедевр князя платили художникам золотом. Каждый из олигархов поверял свое богатство не дукатами, дворцами и пароходами, а прежде всего, количеством университетов, ученых и культурными сокровищами. У вас – Тициан, а у нас – Микеланджело. Кто кого? Порой для того, чтобы решить спор в пользу того или иного стиля отделки дворца или количества изведенной мастером киновари, приходилось прибегать к помощи ландскнехтов, императоров и пап. Вопрос о первенстве того или иного скульптура и художника решался не на небесах, а на земле с помощью интердиктов. Оппонентов изводили огнем и мечом. Гибеллины громили гвельфов, гвельфы – столь же рьяно гибеллинов. Кто есть кто, уже все позабыли, но зато в результате вся эта причудливая и кровавая чехарда превратилась в цветок. Лава застыла, сердце успокоилось, Всевышний выдернул последний лепесток из ромашки: не любит – любит...

Ты обязан восхититься. Для того, чтобы этот процесс был более естественен, есть Санта-Мария-дель-Фьоре. Собор, который невозможно охватить взглядом с какой-нибудь одной точки. Его замысел и воплощение столь грандиозны, что рядом с ним каждый вынужден ощутить свою малость,

ничтожность. Красота Флоренции подавляет своим величием, как тяжелая бархатная, отороченная горностаями, мантия. Тебе все это явно не по плечу.

Солнечный луч выискивает время на часах дворца Палаццо Веккьо, но стрелки неподвижны. Время не властно над Флорой. С каждым годом эти дома с античными барельефами, портики с ликом Христа и непреходящей скорбью Девы Марии только прекрасней и печальнее. Старина властно подавляет, словно мраморный Давид некогда Голиафа, своей красотой и мощью.

О Давиде Микеланджело столько легенд, видимо, от того, что каждый рассказывающий стремится добавить что-то свое. Одна из них гласит, что на готовую скульптуру, которую художник высекал из цельной глыбы, не глядя на модель, пожелал взглянуть гонфалоньер Пьер Содерини. Давид ему понравился, вот только нос показался великоват. Тогда Микеланджело схватил резец, мраморную пыль и принялся изображать бурную деятельность, не притронувшись к носу. И после этого спросил гонфалоньера:

– А теперь?

– Теперь мне больше нравится, – ответил гонфалоньер, – вы придали больше жизни.

Вот вы только что стали свидетелями чуда. Чудо-город, а чудес на свете не бывает. Потому что надо убираться восвояси, а он будет сниться и преследовать вас по пятам. И чем дальше вы уедете от него, тем более защемит сердце.

Флоренция – цветок в петлице самоубийцы, город сумасшедшей красоты, от недостатка которой очень скоро наступает ломка. А по ночам, словно в насмешку, снится Москва, Москва, Москва...

Вероне где-то бог послал...

...Черепичные крыши, похожие на плитки шоколада, башни, напоминающие шахматную ладью с зубчатой окантовкой, мост Сан-Пьетро, такой старый, что века, словно сошедшая с ума секундная стрелка, обращаются вспять, и бегущая по камням мелководная Адидже. Город сверху в голубоватой дымке, пока еще размыт. Пока он еще неотчетлив, как белый прямоугольник фотографии, только что опущенный в проявитель. Все это, как панорама из папье-маше в музее древностей, какое-то невзаправдашнее.

Наверное, надо спуститься вниз с холма и перейти Рубикон. То есть, конечно, Адидже. Но нельзя при этом не почувствовать себя немного Цезарем, которому покоренную область, некогда она называлась Предальпийская Галлия и даже не была в составе Италии, преподносят, как кубок вина.

Внизу кирпич и камень. Я иду по Вероне и они, точно кубики, начинают складываться в какой-то упорядоченный узор, рисунок. Улицы, как линии судьбы на ладони, сбегаются в одну точку. Или начало. Ведь надо же с чего-то начать.

Начнем, пожалуй, с Шекспира. Вероне где-то бог послал Шекспира... Город упорно сватают с Шекспиром. Причем так настойчиво, что и сами веронцы всячески потакают мифу о Ромео и Джульетте. Хотя Шекспир и не бывал в Вероне. Но его знаменитая трагедия происходит именно здесь. Мало

кто помнит, что еще и в Мантуе, и что английский классик не удосужился хоть каким-то образом обозначить или описать те места, где разворачивается действие. А начинается оно просто: на «площади...». На какой? Об этом ни Шекспир, ни его многочисленные исследователи не знают. Зато знают веронцы, превратившие обыкновенный средневековый балкон, парящий над небольшим двориком, его стены увиты виноградом (видимо, Ромео скакал с ветки на ветку, как обезьяна, пробираясь на балкон), в «балкон Джульетты».

Внизу, под балконом своего имени, бронзовый памятник Джульетте. Правая грудь ее сияет ярче солнца, так как, согласно преданию, надо на счастье дотронуться до бронзовой перси. Деньги за это пока еще не берут. А зря! Желających причаститься прелестей Джульетты хоть отбавляй. Избранницу Ромео, конечно, сподручнее лицезреть на балконе, а ее благоверного, соответственно, под ним или их вместе. Но кто даст гарантию, что и Ромео обязательно не захотят за что-нибудь потрогать – на счастье. Хорошо, если за грудь...

Арка под домом обклеена валентинками с просьбами к влюбленным: помочь, принять участие в судьбе и так далее. Рядом таксофоны; опустив монетку, видимо, можно лично передать свою просьбу или пожелание Ромео или Джульетте. Словом, музей литературных героев, вышедших из повиновения, словно убежавшее с плиты молоко. И это не единственный случай, когда реальность бесцеремонно

вторгается в святая святых пространства мифа.

В одной из церквей Равенны показывают могилу Теодорика, которому Блок посвятил стихотворение. Но надгробие открыто, как будто Теодорик, не выдержав напыльва туристов, бежал из своей усыпальницы куда глаза глядят. Но Блок, наверное, прав, поскольку он домыслил то, что, по его разумению, должно было быть.

Миф по Лосеву – это личность. Мы охотнее верим не в то, что было или не было, а в то, что могло быть по нашему, естественно, разумению. И за ваши, естественно, деньги. Вот и Данте родился не в Вероне, и умер далеко отсюда, а памятник из белого мрамора рядом с площадью Эрбе. Во дворике. Данте гостил у герцога Скала, Кан Гранде (Большой Пес). Думал, что герцог покорит Флоренцию, и он на белом коне вернется в родные пенаты. Но надежды рухнули со смертью одного из самых блистательных правителей Вероны, при нем многие итальянские города стали ее провинцией.

Могила Данте, кстати сказать, находится в Равенне. Флоренция который год требует, чтобы Данте вернули домой. Равенна против, справедливо полагая, что отчизна в свое время могла бы обойтись со своим певцом и более любезно. Да и Данте тоже хорош. Когда очередной немецкий император, по-моему, Генрих собрался в поход на папу, то никто иной, как автор «Божественной комедии» слал в его адрес пламенные письма, приветствуя осаду родного города.

В эпоху Микеланджело и флорентийца-Папы прах Дан-

те чуть было не отбыл во Флоренцию. Автор знаменитой «Пьетты» (ее гипсовая копия находится в Венеции, в районе Санта Лючии, задрапированная американским флагом!!!), которую он сделал для Ватикана, обратился к своему земляку со скромной просьбой. Понтифик принял решение, и в церковь Равенны, где Данте нашел свой последний приют, прибыла целая делегация, но праха его не нашли. Монахи-францисканцы довольно надежно перепрятали его, замуровав в церковной стене. Прах Данте был обнаружен лишь в XIX веке, когда угроза его изъятия миновала.

Итальянцы – народ «товароватый». Если туристы готовы вкладывать свои кровные в городскую казну, то, стало быть, вопрос о местопребывании клана Монтекки и Капулетти решен. Вот вам улица Капулетти. Кажется, некогда действительно существовали какие-то Капулетти или Спагетти. А, может быть, и нет. А вот – улица Четырех мечей, где испустил дух Тибальт. Важно в конечном счете не то, кто и где стоит, был или не был. Важно, чтобы сердце обывателя, причастившегося тайны, судорожно вздрагивало. А потом, демонстрируя на работе фотки своим сослуживцам, можно будет повысить свой IQ, вскользь упомянув о том, что ты, вроде, как был чуть ли не соучастником трагедии, которую нынче мало кто читает. Зато все видели фильм Франко Дзеффелли!

Всяк находит в Вероне то, что ищет. Любители Шекспира и балкончиков, под которым стоял Ромео, могут устроить

себе тематическую экскурсию «балконы Вероны». Балконы в Италии, где каждый квадратный сантиметр любовно обустроен и чем-нибудь засажен, имеют не менее важное значение, чем миф. Балкон – это некое родственное, переходное между домом и улицей пространство, включенное историей в свой контекст. Находясь на балконе, под которым, под твоими домашними тапочками, парадным строем проходят века, ты всецело присутствуешь в ней. Так чувствуется именно в каменной кирпичной, Вероне, как нигде больше.

Под балконами Вероны надо петь серенады. Ведь именно над старым балконом где-нибудь на Площади Трав заходит луна и встает солнце. И вот уже идущая по булыжной мостовой на высоких шпильках девушка поневоле покажется Джульеттой, а вынырнувшие из-под покатой крыши синие тени или туча над древней Ареной, словно предвестники грядущих великих событий. Маленькие, скромные, как улыбка, балкончики, включающие тебя в свой плюшевый деревянный домашний уют. Широкие, изогнутые, массивные, как челюсть. Или круглые, вылупившиеся на свет Божий, как птенцы. Балкон – это что-то вроде моста. Моста через реку и времена.

Арена – уменьшенная копия римского Колизея. Здесь летом на открытой площадке дают оперу и балет.

Весь мир – театр (Кто сказал? Правильно, детка, возьми с полки пирожок!)! А Верона – не самая худшая для подтверждения этой избитой истины декорация. Древний веронский

Рим смотрит на туриста пустыми глазницами оконных арок. Оттуда слышится эхо львиного рыка, возгласы рабов, идущих на смерть и приветствующих Цезаря. Желто-серые камни песочного цвета. Песочного, как в часах. Рим почти что из песка. Триумфальный песочный пирог, пирожное, которое хочется уж если и не надкусить, то обязательно потрогать, почувствовать кожей эту шероховатость веков, времени, бегущего вспять. Между прочим, Колизей в центре Вероны, словно из другой оперы. С ним рифмуется разве одна из стен, годовых колец Вероны. Всего этих временных колец – три. Одна – средневековая, принадлежащая Скалигерам, вторая венецианская, третья австрийская.

Бронзовым лошадиным задом к Арене стоит памятник австрийскому императору. Верона была в составе австрийской империи при Наполеоне. Хотя здесь должен располагаться не какой-нибудь Зигфрид, а церковь в романском, римском стиле Сан-Дзено. Но она – совершенно в противоположном конце города. Под ее сводами звучит «Реквием» Моцарта... Австрийское владычество над простотой четырехугольного пространства храма этого по большому счету пустого композитора (мне кажется, что он чересчур правильный, законченный, как барочная колонна Большого театра) подавляюще. Хор, словно трагически рыдает пустыми проемами римских арок. И если взгляд на что-то такое отвлекается (а взгляд обязательно отвлекается), то это – сцены из писания, фрески с Вознесением, Тайной Вечерей, Голгофой.

По сути, Реквием исполняется не в замкнутом пространстве храма, а в замкнутой круговерти божественного замысла. Мне кажется, что Реквием должен звучать только в церкви. Не в концертном зале с праздной публикой, жующей конфеты, а вот так, когда вся эта красочная и трагическая мистерия христианства, словно погребает под своими обломками твою бьющуюся, словно воробей в силках, слабую, трепетную и лукавую душу. Погребает с тем, чтобы воскресить для совершенно иной, наверное, нездешней жизни...

Кажется... Да мало ли что может показаться в этом городе. Городе, где каждый камень – это не просто текст, это живые, еще не остывшие шаги истории. К примеру, Площадь Трав (Пьяцца Эрбе) – Верона венецианская. С дежурным львом, водруженным на колонну. Сан-Марко, недремлющим оком присматривает за своей паствой. Или замок Скалигеров, герцогов делла Скала – это такое пограничье с зубчатыми стенами, рвом и мостом на цепи между средневековьем, возрождением и современностью, которые здесь каким-то странным образом сосуществуют. По крайней мере, так кажется сверху.

С холма Сан-Пьетро и окрестных садов Семирамиды, которые опоясали город, словно триумфальный венок с виноградниками Вальпуличелло, маленькими деревушками, вознесшимися к небу, каким-то Капитолием с большим крестом, который в ночи осеняет все то, что происходит внизу своим величавым, но искусственным, сиреневым, как лам-

па дневного накаливания, светом. Здесь, внизу, люди праздно шатаются по тротуарам, пьют вино возле кабаков, прямо на мостовой, никому при этом не мешая жить. Загораются огни кафе возле замка Скалигеров.

...Арка главного входа с подвесным мостом на мощной цепи, башни и знакомая кремлевской кладки стена (ласточкин хвост, он же – папская тиара, символ католичества, который почему-то у нас никто не разгадал), тяжеловесные витые светильники, ров, окольцевавший средневековую крепость – все это для итальянцев бутафория. Они живут среди этих развалин, которым за тысячу лет. Они привыкли, а я никак не привыкну. Мне постоянно мерещатся рыцари в серебряных латах. И яркий свет факела, бросающий зловещую тень на брусчатку. Рвущий осеннюю тишину напололам пронзительный стон горна. И цокающие копытами по мостовой лошади с латниками и римскими легионерами, которые бряцают своими латами, как духовой оркестр или как шайки в бане. И еще – дамы с миндалевидными лицами и глазами горной серны, словно сошедшие с икон Джованни Беллини, апостолы, ангелы и сутулые призраки, разыгрывающие мистерию на евангельский лад.

Старая кладка с крошащимся кирпичом, травой и мхом, поросшим на стенах, – все натуральное, древнее. Лишь рыцари и римские легионеры возле Арены – ряженые. Но эта повседневная древность гораздо более реальна, чем кафе и стоящий возле него мотоцикл.

Может, эти прохожие в джинсах, туристы, бутики с модной одеждой, официанты в передниках – призраки, которые попали не в свою эпоху? Но она их полностью устраивает, ведь бизнес идет совсем неплохо.

Вы хотите Шекспира? Платите и получайте холщовую сумочку с двумя большеголовыми смешными уродцами. Или поднимайтесь вместо Ромео на балкон Джульетты.

Вам не терпится попасть в Рим? Арена за четыре евро – ваша. И вот вы уже не Иван Иванович, а Цезарь. Внизу, под вашими стопами ночь, улица, фонарь, Верона. Город по-вдоль одет в траур. Верона, словно задрапирована сумерками, призванными скрыть за дешевым блеском электрических огней подлинный, старинный бриллиант. Бриллиант, ценность которого можно ощутить, лишь утратив его...

Amarcord

Недаром Феллини так любил возвращаться в свое захолустье,

в свой Римини, где мгновение замерло, кажется, навечно. Старые тесные улочки, Пьяцца Республики, население тысяч 10—15. Столпившись вокруг фонтана на площади, старички в старомодных пиджаках и шляпах обсуждают свежие политические скандалы. Мимо них, виляя всем своим великолепием, каким ее наградила природа, ходит туда-сюда какая-нибудь Градиска, по-нашему – Желанная. Собственно, и его знаменитый фильм «Амаркорд» – не что иное, как путешествие в прошлое, на местном наречии – «я вспоминаю».

Маленькая, тесная, словно коридор в коммуналке, итальянская провинция, но только, разумеется, не летом, когда и Римини, и Пезаро из захолустья превращаются в приморские курорты. Тогда цены тут взлетают на порядок. И население увеличивается раза в три-четыре. А вот ежели очутиться тут весной (апрель-май), то будет, что вспомнить и вам. Пляжи в это время года – сплошь пустыня. Зато прогулка вдоль берега – истинное удовольствие для любителя побыть одному, заглянуть за горизонт, проводить грустным взглядом белый пароход и стайку чаек. Да и в отелях никакой тебе толкотни и паники. Шведский стол в обед ломится от разного рода разносолов. И все это – сущие копейки.

Что значит «низкий сезон»? Туриста заманивают, как Градиска женихов, самым пикантным образом. Собственно, турист в этот сезон и сам превращается в Градиску. Его жаждут и его зазывают, его любят, холят и лелеют. Надоест шататься по пляжу, можно рвануть куда-нибудь для поднятия своего культурного уровня в прямом и переносном смысле. Для Пезаро таким культовым местом является Урбино. Небольшой городок, на местном наречии поименованный не иначе, как Луг. В (чуть не сказал – Лугу) Урбино от автовокзала Пезаро автобус поднимается в предгорье Апеннин. Бесконечный серпантин вьется вокруг маленьких деревушек с виноградниками, холмов, заросших всяческой зеленью. Кажется, что туристический маршрут лежит на небо. Но спустя час автобус с одышкой останавливается на супротив замка, водрузившего себе на башню шапку с голубым подбоем неба. Это вот, собственно, и есть лужок Урбино. Маленький, средневековый, словно из кубиков, сложенный из камня, Урбино несколько напоминает пирамиду. Высшая его точка – памятник великому Рафаэлю.

Знаменитый художник итальянского Возрождения родился в скромном, можно сказать, типовом, кирпичном двухэтажном домике на улице, бог его знает, как она называлась тогда, но теперь она, естественно, *via Raffaello* (не путать с одноименными конфетами). Не знаю, случайно ли это, но к Рафаэлю надо восходить, словно на вершину Эльбруса. Кажется, что кривей улиц, чем в Урбино, не бывает. Пред-

ставьте себе гору во дворе вашего дома, с которой ваше чадо привыкло спускаться с визгом головою вниз. Так вот улицы Урбино – сплошь каменная горка. Особое удовольствие доставляют автомобилисты, которых тут как ни странно хоть отбавляй. Они орудуют тормозами с виртуозностью скрипача. Что и неудивительно. Сложно себе представить, если вдруг машина покатится с этакой крутизны с разгона вниз и сколько «радости» она доставит всем тем, кто окажется на ее пути!

И все же Урбино, прежде всего, – отчизна Рафаэля. Об этом туристу не дают забыть на протяжении всей прогулки. Изо всех окон глядит, словно каждый домишко или скворечник претендует на звание родового гнезда великого художника, Рафаэль. Причем итальянцам явно здесь отказывает чувство меры. Ну, во-первых, размножен один и тот же образ художника, а именно – его автопортрет. Во-вторых, если сто тридцать первый автопортрет Рафаэля в книжном магазине вызывает у вас понимание и сочувствие, то в витрине магазина дамского белья вы его увидите явно не рассчитывали. И совершенно напрасно. Меланхолический, не от мира сего облик в окружении комбинашек, стрингов, бюстгалтеров. Такая вот гордость по-итальянски. Человек, прославивший их город, все равно, что ангел, покровительствующий человеческим слабостям. Хотя своему величию и нынешнему облику Урбино обязан герцогу Федерико да Монтефельтро, неустрашимому кондотьеру, чей гордый профиль (в про-

филь – потому как он еще был и одноглазый) с переломленным носом на холсте ныне покоится в Уффици во Флоренции.

В музее Рафаэля, увы, нет ни одной его картины. Не будучи еще известен, он уехал искать счастья во Флоренцию. Поэтому музей Рафаэля – весь остальной мир, кроме его родины, Урбино. А Урбино досталась только слава. Но и это немало!

Таковы превратности судьбы. Об этом напоминают не только мостовые, с которых впору скатываться на санках, рискуя расквасить нос покруче, чем у герцога. Но и улица, получившая свое название в качестве последнего пути человека, чей земной предел достигнут – *Via volta della morte*. Арка смерти – узкий каменный мешок с крутым наклоном, который раньше вел в ораторию. Ее стены были разукрашены сценами из Страшного суда. Впрочем, арка – любимое место для туристических фотосессий. И то верно. Если спуститесь вниз обратно к автобусу, не свернув себе шею, то будет и вам что вспомнить!

Каменные скрижали Асколи

В одном из дальних кварталов, убежавших на край города, за витриной, похожей на увеличительную линзу старого экрана телевизора, аккуратная, словно фарфоровая куколка, бабушка в бледно-голубом платье вышивает крестом. Белые салфетки, как облака небесный свод, занавесили ее салон, и она не обращает ни на кого внимания, самозабвенно и неспешно предаваясь своему любимому делу, как и ее мать, и бабушка. Из года в год она плетет нити судьбы, и ничего не меняется в этом городе ста башен. Кроме времен года...

Неизменному ходу вещей, видимо, потворствует и замок кондотьеров Малатеста, словно вытесанный из скалы, из цельного камня, травертино. Из травертино (беловато-пепельный, похожий на мел, но тверже) раньше строили замки и города, а теперь художник Джулиано Джулиани, живущий на горном плато Сан-Марко, парящем над городом, делает удивительно легкие и пластичные композиции. Его отец работал на каменоломне, а сын стал скульптором. История города слоеная, как пицца, началась с фундамента, а продолжилась в листах белой бумаги, страницах, каменных скрижалях, которые завещал этому краю Бог, вода резцом Джулиано! Несокрушимая крепость его стен, словно залог сохранности такой уютной маленькой жизни в Асколи Пичено –

городке провинции Марке. Жизнь обывателя в обрамлении исторических декораций. Немногословная переключка эпох и стилей. Романский окликает средневековье и цветочные виньетки Возрождения. Бабушка, словно парка, прядет нить судьбы. Дороги напоминают римские акведуки. Развалины римского театра в окрестностях – о том, кто в доме хозяин. Пиченцы – итальянские древляне, бежавшие римского владычества.

Замок Малатеста крепко на века врос в историю и превратился в открытку: подстриженные газоны, автостоянка. Такая же, видимо, древняя, как и стены, возле которых все поколения знаменитых кондотьеров осаживали на полном ходу свои феррари. Словно ящерица на солнцепеке, извивается возле его стен сварливая Тронто. Бурливая и чрезвычайно говорливая, словно старушка-соседка из коммунальной квартиры, как пить дать, процентщица, которая затеяла ссору из-за ершика. Однако трудно себе представить, что кто-то может позволить себе такую роскошь – затеять свару весной, когда холмы Марке покрываются зеленым ковром.

Жизнь в Асколи – сонная череда улочек, кафешек, магазинчиков, лавочек и неуклонное следование традициям: утренняя газета, чашечка эспрессо, воскресная месса, ужин в кругу друзей.

Старый романский мостик Чекко, серый или поседевший от старины, словно переброшенный наспех из этого времени в прошлое, соединяет глубокий овраг, заросший ивня-

ком, жасмином и какой-то вьющейся колючкой. Весь этот ярко-зеленый салат цепляется за отвесную стену замка, пытаясь вскарабкаться наверх, к свету и солнцу. Природа в вечном споре с крепостными стенами и культурными слоями: что главнее?

Когда озираешь разлинованные окрестности Асколи, поделенное на клеточки пространство полей и огородов, вымеренное, как в аптеке, бледно-зеленоватые виноградники, фиштакшковые оливы и желтые вспышки цветущего дрока, кофейного цвета пашню, то, кажется, что это природа. Но в городе, где столь же тщательно продумана каждая деталь интерьера – мраморные портики, грифельные оконечности башен, кирпичная кладка крепостной стены, чередующиеся, словно музыкальные интервалы, дорические колонны церквей с кокетливыми завитками, упитанные статуи святых и тени, кажется, забравшие у старины бархатистую тяжесть гобелена, или гардины, черные, палевые, синие, серые, тоньше папиросной бумаги, то нет никакого сомнения – творение рук человеческих!

Замок Малатеста смотрит на мир из-под ввалившихся, словно глаза старика, который забыл, сколько ему лет, бойниц с бесконечной печалью. Сколько веков промчалось прочь мимо и сколько сгинут еще потом – не важно. Его неприступность, покрытая музейной патиной, как старинный рояль, на котором уже никто не играет. Листья бросают жирную тяжелую тень на струящийся шелк бледно-ла-

зурной глади. И когда солнце скрывается за тучное, словно рождественский боров, облако, ручеек покрывается изумрудной испариной, словно запотевшая бутылка воды. Ну, а когда диск античного дискобола выкатывается из-за плоской крыши, на ручей словно наброшена маскировочная сетка. На окраине испокон веков прочно обосновался обыватель, ремесленник.

В одном из магазинчиков, который торгует какой-то то ли сантехникой, то ли елочными украшениями, из полумрака навстречу покупателю и его визави, а, может, всего лишь тени, которая настолько густа, что может быть самостоятельным персонажем, выходит радушный хозяин:

– Вас двое или вы сами по себе (иными словами – один клиент или два)?

Узнав, что клиентов двое, он радуется, как ребенок. Хочется в благодарность за его радушие купить у него какой-нибудь ненужный вантуз.

Вытертая подошвами и веками каменная мостовая, петляя, ведет в исторический центр, где Народная площадь, словно драгоценная шкатулка из камня. Крышку забыли закрыть, и можно сунуть нос, если он у вас, как у Пиноккио, вовнутрь. Здесь все чинно и аккуратно расставлено по своим местам, как в магазине у сантехника: в углу романский собор Святого Франциска, по бокам галереи с колоннами и зубчатыми гребешками, ласточкин хвост, или папская тиара – большой привет кремлевской стене.

Траттории, брусчатка, официанты, взмахивающие белыми скатертями, словно голуби подкрылками. Все условия для того, чтобы неторопливо раствориться в толпе и почувствовать себя своим подобно отцу Павлу Флоренскому, оказавшемуся в стане святых в церкви на Пьяццо Аррино. Или не чужим этим старинным стенам, башням, стрельчатым сводам, изогнувшим мост, словно лениво потянувшаяся кошка спину, торжественным вратам с барельефом герба, двух-трехэтажным домишкам, жмущимся друг к другу, как слепые из пьесы Метерлинка, чтобы не сгинуть во тьме веков.

В одном из маленьких двориков с барельефом святого и огородом на небольших каменных балкончиках, возникает из ниоткуда ощущение, что время материально. Его можно пощупать ладонью, его шершавая поверхность, словно застывшая лава. Оно сложено из причудливых узоров и плавных, певучих, текущих из прошлого, словно продолжающихся в пространстве, линий, которые сливаются с собственной и чужой тенью.

Травертино – интровертино... Город, вырывающийся из привычной двухмерности не без усилий вертикальной перспективы мостов и оврагов, башен и колоколен и густых, словно сажа, теней, несмотря на тяжеловесную основательность камня, легок и воздушен, как ажурная ограда парка. Папа Джулиано работал, не покладая рук, натруженных мозолистых рабочих рук, чтобы его сын высек ажурные искры

поэзии из окаменевшего соляного столпа.

Асколи – ампир, закованный в рыцарские латы. Росчерк гусяного перышка, светлый проблеск во мгле чьих-то воспоминаний.

Внося свою посильную лепту в городскую несуетность, я попираю, насколько это возможно, своими стопами брусчатку и улыбаюсь своему отражению в витрине магазина, в которой застыл, одержимый бесстыдством, голый манекен блондинки или итальянки. Некрасивой, но brutальной.

Из сонного покоя городского обывателя вырывают цепкими лапами новости. В окрестностях города нашли труп молодой женщины. Весь город встал на уши: убийцу упорно искали и, кажется, не нашли. Зато я вошел в круг подозреваемых вместе со всеми на равных. Хотя в убийстве подозревали какого-нибудь разомлевшего и одуревшего от привычного уклада жизни мужа, коротконового и покрытого шерстяным одеялом с пяток до бровей Джованни. Но и у меня 9 мая полицейские на улице, пристально взглядевшись в мой славянский профиль, спросили паспорт. А потом долго куда-то звонили, что-то такое выясняли насчет моего темного прошлого, о чем я и сам вряд ли догадываюсь. Но, в конце концов, с явным сожалением паспорт все же вернули. Но из порочного круга подозреваемых я так и не вырвался.

Черт возьми, приятно чувствовать себя своим в этом небольшом, древнем, аккуратно ухоженном, словно маленький садик во внутреннем дворе, культурном простран-

стве. Городе ста башен, из которых остались только четыре аккорда. А остальные девяносто шесть – они, словно в тени у светлых, как клавиши. Невидимые глазу, но надрывно звучащие в пространстве, словно пустой рукав, будто октава, распятая пальцами. На входе в бесплатный, видимо, муниципальный туалет, который со шлангом старательно вылизывал часа два седой старичок с чрезвычайно артистическими бакенбардами, причем с таким увлечением, с каким тенор в театре поет выходную арию Вертера, меня спросили:

– Албанезе?

К немалому разочарованию туалетного привратника, я оказался не албанцем. Хотя, чем черт не шутит?! Надобность вызывать полицию отпала. Но за это старый скряга потребовал с меня плату, хотя на входе черным по белому было написано «оферта». Пришлось бросить в банку, на дне которой томилось два одиноких цента, гривенник. У меня было 50 центов, и он хотел, чтобы я его осчастливил на всю сумму. Но старому пиченцу перепало лишь 10 центов.

А потом я откушал кофею и отправился восвояси разглядывать «пикейные жилеты» старичков в вязаных безрукавках и бейсболках, которые занимают свои посты на выступах стен собора, словно кариатиды, часов в 10 утра, а сдают, но весьма неохотно его ночным химерам в 18.00. Старики смотрят на проходящую мимо молодежь, пеструю и шумную толпу и вспоминают времена, когда сами были молодыми. И точно также веселились и любовались своими полными,

раздобревшими на макаронах, пицце и кальцони, подружками.

С тех пор ничего не изменилось. Все те же декорации: Народная площадь, церковь святого Франциска. Просто они с теми стариками, которые когда-то очень давно провожали их завистливыми взглядами, поменялись местами...

Гроттамаре. Картина, написанная маслом

Этому городишке повезло больше других. Его старина, взобравшаяся высоко в гору вместе с древним театром с двумя аркадами, словно завешанными голубой занавескою, театром, над фундаментом которого корпели еще римляне, каменной террасой, серпантинном узкой дороги, домиками и огородами, прилепившимися к холму, смотрит на море. Варвары и новая архитектура до него не добрались. Внизу типовой приморский пейзаж: гостиница, шале, пляж, море. И собор с фонтаном во дворе: из каменных завитушек выплескиваются на жаркую мостовую парочка дельфинов. Собор, построенный в честь Папы Сикста V. Сикст, благословляя собор, отвернулся от шумной страды с громокипящими машинами. Вечный покой романской архитектуры, экономной в выразительных средствах. Никакой тебе помпезной колоннады в духе Палладио, римской или венецианской вычурности. Итальянская провинция! В портике скромное и одинокое окошко, напоминающее суфлерскую будку, если Сикст запомнил, то ему подскажут: *Dominus vobiscum!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.